

МЕХРИБАН БАБА-ЗАДЕ*Доктор философии (по юрид. наукам), доцент**Бакинского Государственного Университета***E-mail: mehribanbabazade@mail.ru****ПОЛИТИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГУМАНИТАРНОГО
ВМЕШАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ***Məqalə «Universitetdaxili 50+50 grant proqramı»**layihəsi çərçivəsində hazırlanmışdır*

Açar sözlər: *humanitar müdaxilə, beynəlxalq təhlükəsizlik, insan hüquqları, güc əməliyyatı, humanitar fəlakət*

Ключевые слова: *гуманитарная интервенция, международная безопасность, права человека, силовая операция, гуманитарная катастрофа*

Keywords: *humanitarian intervention, international security, human rights, coercive operation, humanitarian catastrophe*

Концепция «гуманитарного вмешательства» или «гуманитарной интервенции» является одной из наиболее актуальных в международной политики на современном этапе. Новый виток интереса к данной проблеме произошел в 90-х гг. XX в., в частности, когда Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан призвал мировое сообщество к «ответственности по защите» мирного населения от бедствий войны в соответствии с нормами международного права: «Если гуманитарная интервенция действительно является неприемлемым ущемлением суверенитета, то, как тогда отвечать на такие ситуации, как Сребреница и Руанда – грубые и систематические нарушения прав человека, которые противоречат всем правилам человеческого бытия?»

В сентябре 2000 г. была создана Международная комиссия по вопросам вмешательства и государственного суверенитета, которая проанализировала основания для легитимации «гуманитарных интервенций» и представила на рассмотрение Генерального секретаря и членов Организации Объединенных Наций доклад «Ответственность по защите» (2001 г.). Международные эксперты подтвердили значимость государственного суверенитета, отметив, что суверенитет следует толковать как ответственность государств по защите населения в своих границах. Они ввели понятия «ответственность по защите» или «ответственность за защиту» («responsibility to protect» или «R2P») и призвали обращать большое внимание на интересы пострадавших от войн и насилия гражданских лиц, которые их государство или, в случае его неспособности или нежелания, международное сообщество государств обязано обеспечивать [1].

Сегодня все большую популярность приобретает суждение, что противодействие гуманитарной катастрофе является столь же основательной причиной для вмешательства, как задача поддержания международного мира и безопасности. В связи с постоянной ссылкой международного сообщества при инициировании силовых операций на существование угрозы миру и безопасности и опасность расширения гуманитарных катастроф, особое значение имеет разработка их международно-правового толкования и случаев их рассмотрения в таком качестве в соответствии со ст.39 Устава ООН.

Современные представления о том, что составляет гуманитарную катастрофу, претерпели значительные изменения. С учетом того, что за последние десятилетия изменились международные стандарты в отношении внутреннего поведения государств, от правительств ожидается гораздо больше ответственности, чем прежде, например, в обеспечении «good governance» и соблюдении прав человека. Этнические чистки, геноцид, массовые убийства не представляют собой абсолютного новшества в мировой политике, однако теперь на них следует совершенно иная реакция: возросла готовность государств предпринимать акции вмешательства.

Так, на сегодняшний день выделяются четыре основные составляющие «угрозы международному миру и безопасности» и, соответственно, предпосылки для инициирования «гуманитарного вмешательства». Во-первых, угрозу международному миру и безопасности составляют международные последствия внутренних конфликтов, например, потоки беженцев и общая дестабилизация региона (в своей практике СБ ООН неоднократно ссылаясь на международные последствия внутренних конфликтов как составляющие угрозу миру, например, в Южной Африке, Ираке, Гаити и Косово). Во-вторых, гражданские войны и крупномасштабные человеческие страдания, которые СБ ООН рассматривает в качестве угрозы миру сами по себе без учета их международных последствий (в резолюции 794 СБ ООН по Сомали Совет Безопасности впервые провозгласил «важность человеческой трагедии», составляющую саму по себе угрозу миру). В-третьих, грубые и массовые нарушения прав человека и международного гуманитарного права (СБ ООН совершенно однозначно определил, что грубые и систематические нарушения прав человека, например, в Южной Родезии, Южной Африке, Ираке и Косово, а также международного гуманитарного права, например, в бывшей Югославии и Руанде, сами по себе безусловно составляют угрозу международному миру). В-четвертых, нарушения демократии (СБ ООН, например, трактует свержение демократически избранного правительства, как это было в случае с Гаити, как угрозу международному миру. Ситуация с Гаити остается первым и до сих пор единственным случаем, когда Совет Безопасности расценил существование нелегитимной власти как угрозу миру) [2, с.113-115].

Как правило, «гуманитарная интервенция» используется в двух типах ситуаций: во-первых, при крупномасштабных и намеренных нарушениях прав человека в государстве, правительство которого не в состоянии контролировать ситуацию или же, наоборот, само нарушает, провоцирует или терпимо относится к нарушениям прав человека; во-вторых, когда правительство неспособно или же не желает принять на себя ответственность за обеспечение элементарных нужд населения [3, с.317]. Иначе говоря, имеются в виду случаи, когда «сами государственные власти совершают агрессивные действия против собственного народа, или же если они оказываются неспособными не только обеспечить реализацию прав и общую безопасность гражданского населения, но и защитить его от потерь в ходе вооруженных конфликтов, которые ранее считались входящими исключительно в сферу «внутренней компетенции» того или иного государства».

Исследователь Д.Мерриам в рамках определения необходимых предпосылок организации «гуманитарных интервенций» предлагает закрепление следующих четырех факторов [8, с.126-127].

1. Вмешивающиеся стороны должны обладать достоверными и объективными доказательствами существования гуманитарного кризиса, источниками которых должны выступать ООН и неправительственные правозащитные организации.

2. В подобных доказательствах должна содержаться точная информация о наличии широкомасштабной гуманитарной катастрофы и ее распространении. Здесь основной проблемой является обеспечение адекватности планов вмешательства конкретной ситуации гуманитарной катастрофы. В данном случае Д. Мерриам предлагает выполнение двух условий: должны быть нарушены важнейшие первоосновы прав человека – право на жизнь и право быть свободным от физического насилия; подобные нарушения должны иметь широкомасштабный и систематический характер (например, смерть 100 тыс. беженцев) [8, с. 129-130]. Подобной позиции придерживается Ф.-К. Абью, который также предлагает в качестве главного критерия учитывать «ситуации широкомасштабных, возобновляющихся и систематических нарушений прав человека, включая грозящие угрозы в отношении лишения жизни в результате убийств, голода и других видов преступной деятельности» [4, с. 79]. Для А. Кассесе преступления против человечности составляют «грубые и вопиющие нарушения прав человека, включающие лишение права на жизнь сотен или тысяч невинных людей» [5, с. 27]. Однако Ф. Тезон считает, что с точки зрения количества для начала «гуманитарного вмешательства» не следует ждать, пока нарушения прав человека достигнут масштабов геноцида, хотя они должны носить систематический характер. Качественно, нарушения прав человека должны включать грубые нарушения основных гражданских и политических прав [9, с. 123].

3. До принятия решения об инициировании силовой операции должно быть установлено, что все невоенные средства урегулирования претерпели неудачу, что обуславливает применение военной силы. В этой связи Д. Мерриам предлагает разделить два этапа конфликтного регулирования – «докризисный» и «кризисный».

С одной стороны, отмечается, что поскольку главной целью «гуманитарного вмешательства» является оказание помощи пострадавшему населению, на гуманитарную катастрофу должна следовать ответная невоенная гуманитарная реакция со стороны мирового сообщества, которое должно всегда искать альтернативы военному решению проблемы. Поэтому в рамках первого этапа «докризисного» – должен применяться инструментарий невооруженной акции, а именно использование дипломатических инициатив, политики убеждения, превентивных мер (регулярных полицейских сил, «полевых миссий» по проверке соблюдения прав человека Верховного комиссара ООН по правам человека), института санкций (эмбарго на поставки вооружения, экономических санкций), деятельность гуманитарных агентств. Однако перечисленные меры наиболее результативны на ранних этапах развития конфликта.

В условиях существования острых гуманитарных катастроф требуются более решительные меры в виде силовых акций, проведение которых включает второй этап регулирования – «кризисный».

Несмотря на то, что ответственность за поддержание международного мира и безопасности сосредоточена в рамках СБ ООН, который после определения существования «любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии» полномочен принимать решение о насильственных мерах против воли правительства, многие сторонники «гуманитарного вмешательства» настаивают на том, что в условиях, когда ООН неспособна к активным миротворческим действиям по причине организационного паралича ее органов (в силу ожидаемого или реального вето одного или более постоянных

членов СБ ООН), силовая акция возможна и без мандата СБ ООН, который скорее желателен, чем необходим [6,с.54]. Кроме того, высказывается мнение, что учитывая исключительность каждой отдельной ситуации гуманитарной катастрофы, требующей незамедлительных действий и не оставляющей времени для получения санкции СБ ООН, открытость и абсолютная легитимность операции могут только помешать ее скорости и эффективности. Предлагаются следующие варианты санкционирования силовых «гуманитарных вмешательств»: резолюция СБ ООН; резолюция ГА ООН, принятая двумя третями голосов; решение Международного суда или другого специально созданного коллегиального органа [10,с.121].

4. Жертвы нарушений прав человека не должны противиться проведению силовой акции. «Гуманитарное вмешательство» должно быть поддержано теми, для кого оно предназначено, в противном случае шансы на успех минимальны. В конечном счете, урегулирование конфликтов – это коллективная ответственность, поэтому действия миротворческого персонала должны быть дополнены, прежде всего, усилиями самих конфликтующих сторон. Кроме того должна быть обеспечена поддержка акции со стороны государств данного региона [7].

На основе предпринятого анализа основных проведенных исследований по разработке необходимых предпосылок и критериев «гуманитарного вмешательства» можно сформулировать несколько выводов.

Первое. Главными условиями инициирования «гуманитарного вмешательства» являются: 1) возникновение объективной внутренней ситуации гуманитарной катастрофы или ее непосредственное осуществление, вытекающее из нарушений правительством прав человека, международно-правового порядка и положений международного гуманитарного права; 2) неспособность или нежелание государства предотвратить или ликвидировать подобные нарушения.

Наиболее подходящим решением в вопросе об определении сущности гуманитарной катастрофы и «массовых и систематических страданий населения», на наш взгляд, состоит в принятии определения о «наиболее серьезных преступлениях в отношении всего международного сообщества», за которые предусматривается уголовная ответственность. Ст.5 Статута Международного Уголовного Суда относит к таким преступлениям геноцид (Геноцид означает действия, предпринимаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, национальную, этническую, расовую или религиозную группу посредством убийств, причинения серьезного физического или психического вреда, умышленного ухудшения жизненных условий, контролирования рождаемости и т.п.), преступления против человечности (преступления против человечности представляют собой любые действия в рамках широкомасштабной и систематической атаки против любого мирного населения – убийства, истребление, порабощение, депортация, тюремное заключение, пытки, похищения, преследования по политическим, этническим и расовым причинам и другие негуманные действия) и серьезные нарушения международного гуманитарного права. Как представляется, данное определение, включающее наиболее серьезные нарушения прав человека, совершенно четко и однозначно устанавливает случаи возможного «гуманитарного вмешательства». Кроме того, необходимо, чтобы квалификацию гуманитарной катастрофы, представляющей угрозу миру и безопасности представлял СБ ООН.

Второе. Принимая решение об инициировании «гуманитарного вмешательства», вмешивающиеся стороны должны в обязательном порядке представить мировой об-

шественности объективные и достоверные доказательства угрозы или факта существования гуманитарной катастрофы в зоне конфликта. В качестве источников информированности должны выступать, во-первых, ООН, во-вторых, региональные структуры, в-третьих, неправительственные правозащитные организации и гуманитарные агентства.

Третье. Инициирование «гуманитарной интервенции» без мандата СБ ООН невозможно и недопустимо, что в свою очередь требует проведения реформаторской работы по закреплению за СБ статуса главного субъекта миротворчества и ведущего элемента международно-правовой системы. В случае если Совет Безопасности отклоняет просьбу о санкциях или не принимает никакого решения в разумный срок, предлагаются следующие альтернативные варианты: действия региональных организаций в соответствии с Главой VIII («Региональные соглашения») Устава ООН, подлежащие впоследствии одобрению СБ ООН; вынесение вопроса на рассмотрение чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Четвертое. Использование военной силы должно оставаться крайним и последним средством, к которому вмешивающиеся стороны вправе прибегнуть в случае невозможности проведения классической миротворческой акции и/или провала всех мирных средств по урегулированию конфликта и ликвидации гуманитарной катастрофы (неспособности или неудачи проведения превентивной операции, мер политико-экономического характера и т.д.).

Пятое. Перед началом операции «гуманитарного вмешательства» государству-нарушителю должны быть предъявлены требования остановить преступную политику и в определенный срок представить этому доказательства. В противном случае международное сообщество вправе прибегнуть к силовому воздействию при наличии широкой коллективной поддержки, о чем заранее должно быть проинформировано государство-нарушитель.

Несмотря на растущий интерес к проблеме гуманитарной интервенции, большинство юристов и политологов относятся негативно к этой концепции [1]. Негативная реакция на вооруженные действия государств по предотвращению массовых нарушений прав человека вызвана как политическими конфликтами и интересами, так и опасениями серьезных нарушений международного права. Такие опасения достаточно понятны и даже обоснованы, но возможные нарушения международного права существовали, существуют, и будут существовать. Именно поэтому столь важно понять суть концепции гуманитарной интервенции, определить критерии применения вооруженной силы для предотвращения массовых нарушений прав человека и уметь ее правильно применять к конкретным обстоятельствам. Одним из выводов является предложение отказаться от шаблонного ответа о неправомерности гуманитарной интервенции и перейти к конкретному анализу критериев и оснований применения вооруженной силы как крайней меры для предотвращения массовых нарушений прав человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуманитарная интервенция: право или бесправие?/Евразийский юридический журнал, 2012, №10(53)// index.php?option.com
2. Худайкулова А.В. Теория и практика «гуманитарного вмешательства» в современной миротворческой деятельности (на примере Югославии). М., МГИМО, 2003

- 3.Ши Иньхун, Шень Чжисюн. После Косово: морально-правовые ограничения гуманитарной интервенции /Нравственные ограничения войны. Проблемы и примеры. Под общей ред. Бруно Коппитерса. М.: Гардарики, 2002
- 4.Abiew F.-K. Assessing Humanitarian Intervention in the Post-Cold War Period//International Relations, Vol. XIV, No.2, August 1998
- 5.Cassese A. Ex iniuria ins oritur: Are We Moving Towards International Legitimation of Forcible Humanitarian Countermeasures in the World Community?//The European Journal of International Law, 2009, No.10
- 6.Hoffman St. The Politics and Ethics of Military Intervention//Survival, Vol.37, No.4, 1996,p.40-41; Ronzitti N. Lessons of International Law from NATO's Armed Intervention Against the Federal Republic of Yugoslavia //The International Spectator, Vol.24, No.3, July-September, 1999
- 7.Humanitarian Intervention: Definition and Criteria //CSS Strategic briefing papers, Vol.3, Part 1, June 2010
- 8.Merriam J.J. Kosovo and the Law of Humanitarian Intervention//Case Western Reserve Journal of International Law, Vol.33, No.1, Winter 2001,p.126-132
- 9.Teson F.R. Humanitarian Intervention: an Inquiry into Law and Morality. New York: Transnational Publishers, 2006
- 10.Wheeler N.J. Humanitarian Intervention After Kosovo: Emergent Norm, Moral Duty or the Coming Anarchy?//International Affairs,2001,No.113

MEHRIBAN BABAZADƏ

Bakı Dövlət Universitetinin dosenti, h.e.f.d.

MÜASIR BEYNƏLXALQ MÜNASIBƏTLƏRDƏ HÜMANİTAR MÜDAXİLƏNİN SIYASI-NƏZƏRİ ƏSASLARI

Güc yolu ilə «humanitar müdaxilə» zamanı bir sıra məsələləri nəzərə almaq lazımdır. Tam aydındır ki, hüquqi olaraq «humanitar müdaxilə» ciddi şəkildə əsaslandırılmalıdır. Bunu beynəlxalq qanunvericilik layihəsinin işlənilməsi tələb edir ki, hansı bir şəraitdə dövlətin apardığı daxili siyasət cinayət xarakteri daşıyır və beynəlxalq sülh və əminamanlığa təhlükə törədir və müvafiq olaraq, beynəlxalq cəmiyyət tərəfindən güc metodlarının tətbiq edilməsini tələb edir.

MEHRIBAN BABAZADE

Ph.D., associate professor of the Baku State University

POLITICAL THEORETICAL FUNDAMENTALS OF HUMANITARIAN INTERVENTION IN MODERN INTERNATIONAL RELATIONS

Coercive «humanitarian interventions» are due to be conducted in strict accordance with a number of conditions. It is fully obvious, that right to conduct a «humanitarian intervention» should be stringently motivated. This results in working out a draft of international legal act, regulating situation, in which internal policy of state power may be regarded as criminal one and threatening international peace and security, and therefore requires applying a coercive set of measures from the international community.

Rəyçilər: prof.A.N.Abbasbəyli, prof.S.Z.Yusifzadə

BDU, Beynəlxalq münasibətlər kafedrasının 21.02.2013-cü il tarixli iclasının qərarı ilə çapa məsləhət görülmüşdür (pr.06).